

Современная сакральная архитектура как символ архитектурной идентичности и общественное пространство в условиях зимнего города**© Наталья Моисеевна Глебова¹, Михаэль Кламер²**¹Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия²Венский технический университет, г. Вена, Австрия

Автор, ответственный за переписку: Глебова Наталья Моисеевна, nita12@yandex.ru

Аннотация. Цель – рассмотреть здание современной церкви как мощный символ культурной и архитектурной идентичности, а пространство в городе, организованное вокруг и внутри религиозной постройки, как важное с точки зрения цивилизационной культуры общественное пространство; провести сравнительный анализ европейского и российского современного сакрального строительства и сделать прогноз развития православной архитектуры в наши дни, отследить тенденции и ее возможные стили и направления. Было проведено натурное обследование и изучение 150 современных церквей Австрии, эмпирически и в научной литературе отслежено их эволюционное развитие в течение последних 120 лет. Также исследованы некоторые российские церкви, восстановленные, реставрированные исторические и новые, построенные после распада СССР. В результате дана оценка и объяснение неизбежного появления современных течений в архитектуре православной церкви. Существующие историзмы в православной архитектуре наших дней обусловлены не столько большей консервативностью православной религии, сколько вынужденной 70-летней паузой в развитии православной архитектуры. Любая архитектура, даже консервативная религиозная, откликается на происходящие в социуме явления, на его новые культурные и функциональные потребности, в результате чего, при грамотном взаимодействии архитекторов и заказчиков, постепенно меняет пространственную организацию, форму, композицию, общий вид внутреннего пространства и внешней оболочки, в целом архитектурный стиль, рождая новые символы культурной и архитектурной идентичности. Оставаясь уникальным общественным зданием, при добавлении дополнительных новых функций церковь продолжает формировать в себе и вокруг себя общественные городские пространства.

Ключевые слова: городская идентичность, культурная идентичность, иркутская городская идентичность, религиозные постройки, сакральная архитектура, современная церковь, символ архитектурной идентичности, общественное пространство

Для цитирования: Глебова Н. М., Кламер М. Современная сакральная архитектура как символ архитектурной идентичности и общественное пространство в условиях зимнего города // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2022. Т. 12. № 3. С. 408–419. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2022-3-408-419>.

Original article**Contemporary sacral architecture as a symbol of architectural identity and a public space in a winter city****Natalia M. Glebova¹, Michael Klammer²**¹Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia²Vienna Technical University, Vienna, Austria

Corresponding author: Natalia M. Glebova, nita12@yandex.ru

Abstract. In this study, we examine a contemporary church building as a powerful symbol of cultural and architectural identity of a city. The city space organized around and inside a religious building is considered as an important public space from the perspective of civilizational culture. During the study, a comparative analysis of European and Russian contemporary sacral construction was carried out with the

purpose of forecasting the development of the present Orthodox architecture, taking into account possible trends, styles and directions. A field survey of 150 contemporary churches in Austria was carried out. Their evolutionary development over the past 120 years was examined both empirically and using scientific literature. In addition, a number of Russian churches, including restored or renovated historical buildings as well as new facilities built after the collapse of the USSR, were studied. As a result, an assessment and explanation of the inevitable appearance of modern trends in the Orthodox Church architecture is given. Historicisms, existing in the Orthodox architecture of our time, are assumed to be related to the forced 70-year pause in the development of Orthodox architecture, rather than to the greater conservatism of the Orthodox religion. Any architecture, even its conservative religious type, responds to events occurring in a society and to arising new cultural and functional needs. As a result, due to a competent interaction of architects and customers, the existing architectural style starts to change gradually in terms of its spatial organization, form, composition, general appearance of the inner and outer space, thus giving rise to new symbols of cultural and architectural identity. With the addition of new functions, a church remains to be a unique public building, forming public urban spaces both in and around itself.

Keywords: city identity, Irkutsk city identity, cultural identity, religious buildings, sacred architecture, modern church, architectural identity symbol, public space

For citation: Glebova N. M., Klammer M. Contemporary sacral architecture as a symbol of architectural identity and a public space in a winter city. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2022;12(3):408-419. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2022-3-408-419>.

Введение

Культура России в ходе истории формировалась под воздействием православной религии. Именно она стала ядром традиционной российской культуры [1]. И в нашей современности православие продолжает являться неотъемлемой частью российской и сибирской идентичности, в рамках которой за многие поколения выкристаллизовался уникальный цивилизационный феномен – православный уклад жизни и православный образ мысли, дав россиянам устойчивые стереотипы социального поведения.

Православные традиции и культура человеческих взаимоотношений, отношение к труду и природе, ремесла получили масштабное материальное воплощение [2]. Это большая часть всего национального культурного наследия – исторические здания и сооружения, памятники истории и культуры, предметы повседневного быта, народного творчества, произведения искусства.

То, что произошло с религиозно-духовной составляющей русской культуры после революции 1917 года, внесло колоссальные изменения и дополнило общенациональную российскую идентичность, но не могло полностью уничтожить ее православные корни.

Явление идентичности (англ. *identity* < лат. *identitās*) – свойство психики человека осознавать свою принадлежность к различным социальным, национальным, религиозным, экономическим, профессиональным, языковым, политическим, культурным, гендерным, расовым

и другим общностям, отождествлять себя с ними. Идентичность человека с городом, принадлежность к городу складывается из географических параметров, культурных кодов и архитектурной среды.

Географические параметры – это климат, ландшафт, растительность, этнические группы, природные строительные материалы.

Культурные коды – это некие исторические события, национальные и местные особенности, язык, топонимика, ремесла.

Архитектурная среда – это морфотипы и плотность городской застройки, ландшафтная сообразность и организация пространства, символика и семиотика в архитектурных деталях и элементах, местные традиции и материалы строительства.

Городская архитектурная идентичность подразумевает не только ансамблевость и цельность городского образа, уникальные черты и комбинации, присущие данному месту, наличие культурно-исторических кодов, повторяемость признаков во времени, но и развитие архитектурных признаков во времени, интерпретацию и стилизацию историзмов с сохранением узнаваемости [3].

Методы

Формирование городской идентичности – процесс создания в пространстве и времени комплекса характерных признаков, свойств и определенных метрических и качественных параметров, по которым мы узнаем те или иные места города и государства и отличаем их от других мест и городов.

Рис. 1. Русская идентичность: российские православные храмы в заснеженном пейзаже:
а – Исакиевский собор в Санкт-Петербурге; б – Преображенская церковь на о. Кижи;
с – собор Василия Блаженного в Москве; д – Церковь Покрова на Нерли

Fig. 1. Russian identity: Russian Orthodox churches in a snowy landscape: а – St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg; б – Church of the Transfiguration on about Kizhi; с – St. Basil's Cathedral in Moscow; д – Church of the Intercession on the Nerl

Символами идентичности могут быть целые ансамбли или кластеры застройки, а иногда отдельные объекты архитектурной среды и их комбинации или даже типичные архитектурные формы и детали [4, 5]. Сакральные сооружения испокон веков и по сей день являются символами национальной, культурной, городской идентичности. Выполненные порой на грани человеческих и технических возможностей на период строительства, они всегда поражали местных жителей, давая им ощущение гордости за отчизну и чувство идентичности с ней. Величественные храмы воздействовали и на приезжих, оставляя неизгладимый след в их памяти и стойкие ассоциации с местонахождением архитектурного памятника (рис. 1) [6–8]. По таким символам мы распознаем города и целые государства, отображенные на открытках, сувенирной продукции и в туристических маршрутах. Такими символами становятся уникальные сооружения. Любые уникальные сооружения, как правило это общественные здания – театры, музеи, концертные и

спортивные залы, являют себя как некий символ: эпохи, исторического или культурного события, нового витка научно-технического прогресса или же индивидуальный творческий замысел выдающегося архитектора, выражающий его стиль, почерк [9]. Такие здания становятся доминантами или акцентами города, выступают как ориентир, как узел, композиционный центр, отличный от общей гомогенной застройки и привлекающий к себе внимание. Как правило, он расположен в общественном пространстве, которое собирает и объединяет горожан. И в этом контексте религиозные здания занимают далеко не последнее место в списке общественных городских пространств. Но кроме русской (российской) идентичности эксперты выделяют сибирскую культурную и архитектурную идентичность, а также иркутскую городскую идентичность [3] (рис. 2).

Владимир Плужников, руководитель центра документации Института Наследия в Москве, архитектор, считает архитектуру исторического центра Иркутска уникальной и

отмечает конкретные отличительные особенности [4]. Его цитата: «Сибирь – это не Россия! В Иркутске острее, чем в других сибирских городах, чувствуется значительная независимость от России, оставшейся к западу от Урала». Даже в простых жилых бревенчатых домах ощутимы отклонения и в породе деревьев, и в плотницких приемах. Деревянная Тихвинская церковь конца XVII в., стоявшая на территории Вознесенского монастыря и снесенная в 1930-е гг. при строительстве мясокомбината, была похожа на башни сибирских острогов, как и диспетчерские здания конца XIX в. на Транс-Сибирской железнодорожной магистрали. Первый каменный восточносибирский храм, являющийся также самой старой уцелевшей церковью в Иркутске, – Спасская церковь – демонстрирует сильные отклонения в архитектуре от столичных образов: ядром

храма стал сильно вытянутый вверх четверик (как в острожных башнях, рис. 2 *b*). Строил ее с 1706 г. московский мастер М. И. Долгих. И в пропорциях здания, и в фасадных формах есть отличия от стандартных русских архитектурных решений того времени. Колокольня при этом храме уже типично иркутская: с мощными нарядными восьмигранными ярусами. Ее возводили позже на полвека, и тогда уже сформировывалось местное барокко, своеобразие которого признано экспертами. Самым ярким представителем иркутского архитектурного барокко называют Крестовоздвиженскую церковь (рис. 2 *d*). Немало барочных деталей мы видим и в деревянной жилой застройке Иркутска этой эпохи [5], в которых, впрочем, прослеживается влияние соседского ламаизма, а также казанских татар. Подобного декора нет в архитектуре к западу от Урала [10].

Рис. 2. Сибирская иркутская идентичность. Иркутские храмы: *a* – Острожная церковь в музее «Тальцы»; *b* – Спасская церковь; *c* – Князе-Владимирский монастырь; *d* – Крестовоздвиженская церковь; *e* – собор Богоявления Господня; *f* – церковь Николая Чудотворца в поселке Большое Голоустное

Fig. 2. Siberian Irkutsk identity. Temples in Irkutsk: *a* – Ostrozhnaya Church in the Taltsy Museum; *b* – Church of the Savior; *c* – Prince Vladimir Monastery; *d* – Holy Cross Church; *e* – Cathedral of the Epiphany of the Lord; *f* – Church of St. Nicholas the Wonderworker in the village of Bolshoye Goloustnoye

Как отмечает архитектор А. Боков, в прошлом президент Союза архитекторов России, «иркутский регионализм» 70-х гг. XX в. в архитектуре также уникален, он «строился» из материала российского наследия – конструктивизма и супрематизма, кроме того, из вынужденных условий и недостатков места и того времени – сурового климата, государственных требований сборности, индустриальности, стандартов и модульности, скудости финансирования и средств выразительности. Все это остроумно трансформировалось в достоинства, создав иркутскую городскую идентичность 70-х [5]. Но здесь упоминается уже другая эпоха. Таким образом, еще один важный фактор идентичности – принадлежность определенному периоду времени. Процесс формирования идентичности не начинается с нуля, а опирается на уже существующий набор символических маркеров, исторически сложившихся, которые и составляют основу идентичности. В свою очередь, эти формы и символы эволюционируют с сообществом, т.к. они являются больше традициями, чем историей, порой это может быть лишь выдумка, легенда. «Идентификация – это не что-нибудь застывшее, это то, что постигается снова и снова и развивается во времени» [6].

Эпоха социализма принесла в российское общество свои новые символы идентичности, но и нанесла невосполнимый ущерб сакральному наследию. Марксистско-ленинская идеология вытравила саму мысль о приоритете религиозной нравственности и православного мышления в формировании мировоззрения творческой интеллигенции, в том числе и в современной архитектурной среде. Но дома культуры советской эпохи не смогли полностью заменить религиозные сооружения с их величием и глубиной смыслов.

В это время в Европе сакральное строительство очень продвинулось (рис. 3) [11–15]. В конце XIX века в европейской архитектуре господствует историзм (в России этот стиль часто называют «эkleктика»), но, например, венские передовые архитекторы Отто Вагнер и Адольф Лоос не одобряют и даже отвергают его. Отто Вагнер разрабатывает революционно новый стиль – венский модерн, или «сeссессион», который вскоре становится популярным (в России чуть позже появляется «русский модерн»). Церковь О. Вагнера Ам-Штайнхоф в Вене (1903 г.) – это первое религиозное сооружение в таком стиле. Именно она ознаменовала собой начало эпохи современности и радикальный разрыв с австрийскими традициями церковей Вены. Это было сенсацией для современников, Рудольф Шварц, пионер

современной католической сакральной архитектуры, в 1956 г. провозгласил ее первой действительно новой церковью [16]. В своем исследовании «Модернизм в церковных зданиях» 1899 г., посвященном «идеальному церковному дизайну», О. Вагнер призвал к адаптации сакральных зданий к современным требованиям, придавая огромное значение функциональности.

Здесь можно сказать о том, что мировое архитектурное течение этого времени – функционализм – распространилось и на сакральные сооружения, т.к. стиль в искусстве и архитектуре – это отражение стиля жизни общества. Далее происходили новые трансформации, появлялись новые направления – конструктивизм, брутализм, и они также коснулись архитектуры католических церквей.

Основой для переосмысления католической церкви и ее архитектурной формы являются литургические реформы, возникшие в результате глубокого философско-богословского переворота около 1900 года. Важными представителями последовавшей после этого христианской сакральной архитектуры межвоенного периода в немецкоязычных странах являются архитекторы Доминик Бём, Рудольф Шварц, Отто Бартнинг и Клеменс Хольцмайстер.

Если проследить исторические изменения в европейской религиозной культуре, то уже начиная с 1570 г. роль священника как единственного существенного субъекта мессы уменьшалась, а прихожане, ранее выполнявшие лишь пассивную воспринимающую роль, становились все более равноправными участниками богослужения.

Поворотным моментом стала программа Висбадена 1891 года, в которой призыв к равенству слова и таинства предполагает отмену пространственного разделения хора и нефа и объединение пространства церкви. А уже в 1894 году на Строительном конгрессе церкви в Берлине было заявлено, что алтарь должен стать центром церкви, не только символическим, но и реальным; а на Дрезденском конгрессе по строительству церковных зданий в 1906 году прозвучали высказывания против имитации историзма. Все это стало важной основой для изменений, произошедших в строительстве католических церквей в XX веке [16, 17].

II Ватиканский собор 1962–1965 гг. институционализировал усилия литургического движения по переопределению самооценки церкви и роли мирян в богослужении, аналогичные события ранее имели место и в протестантской церкви. Реконструкция литургии, которая

предусматривала усиление роли общества, открыла путь к новым пространственным концепциям и формам строительства. На этом фоне, начиная с 1950-х годов, сакральные здания становились приоритетной областью для прогрессивных архитекторов [8]. Церкви стали совмещать в себе множество функций, объединяющих горожан, теперь это не только молельные дома, но также помощь и поддержка нуждающимся, воспитание детей (детские сады и воскресные школы), общественные пространства для празднеств и общения, окруженные скверами и парками для гуляния и отдыха горожан.

Надо отметить, что, в свою очередь, вдохновленные реформами и провозглашенной свободой искусства, прогрессивные архитекторы своим индивидуальным творчеством повлияли на городскую идентичность. Мы не можем представить Вену, столицу Австрии, без сецессиона О. Вагнера или Любляну, столицу Словении, без архитектурных произведений Йозефа Плечника (ученик О. Вагнера). Его церковь Святого Духа в районе Оттакринг в Вене (рис. 3 а) – одно из самых ранних священных зданий в Европе, с открытой на фасаде фактурой железобетона как характерным элементом дизайна [16]. Интересно, что открытый бетон получился случайно: первоначально церковь не планировалась столь радикально современной, какой мы ее видим сейчас: снаружи Й. Плечник изначально предусматривал каменную облицовку железобетонных столбов «под кирпич»; в интерьере бетонные стены должны были быть декорированы цветным орнаментом.

Объемно-планировочная композиция церкви пересматривалась, полностью изменяя святилище. Идеи христоцентричного церковного строительства были реализованы в первую очередь Доминикусом Бёмом, который наконец превзошел традиционное устройство церкви (апсида, главный алтарь, боковые проходы, длинный неф) и в 1920-е гг. разработал много новаторских проектов.

Архитектор Роберт Крамрайтер, магистрант Петера Беренса в Венской академии изящных искусств, который пришел в сакральную архитектуру, вероятно, по предложению Доминика Бёма, в чьем архитектурном бюро в Кельне он работал в 1928–1932 гг., построил в Вене множество необычных для того времени церквей, среди которых приходская церковь Флоридсдорф, церковь Девы Марии, Матери Божьей и Благодати.

Кроме Роберта Крамрайтера, строительство церквей в Вене во время Первой

Австрийской республики формировали Рудольф Шварц, Карл Хоули, Йозеф Витиска и Клеменс Хольцмайстер (великий австрийский церковный экспрессионист). Роберт Крамрайтер и Клеменс Хольцмайстер передали свою новую философию устройства церквей молодому поколению архитекторов, которые работали в Вене после 1945 года, когда город был в руинах, и требовалось реставрировать и отстраивать новые церкви помимо жилья.

Магистерская школа в Венской академии изящных искусств превратилась в центр для молодых авангардных строителей церквей. Порой это были сенсационные священные постройки: например, приходская церковь Обербаумгартен Иоганна Георга Гстеу (1962–1965) (рис. 3, 4).

Фридрих Куррент, Йозеф Лакнер, Йоханнес Шпальт – также прошли обучение в Венской академии изящных искусств в школе Клеменса Хольцмайстера. А знаменитая группа архитекторов «Рабочая группа 4» (Вильгельм Хольцбауэр, Фридрих Куррент, Йоханнес Шпальт) курировала выставку «Церкви нашего времени» в соборе Святого Стефана весной 1956 г. и достигла значительных успехов в церковном строительстве.

Изучая сакральную венскую архитектуру на протяжении истории, мы наблюдаем, как она, подобно зеркалу, чутко и пластично отражает все происходящее в обществе через форму, структуру, композицию, материал и декор. А выдающиеся прогрессивные архитекторы являются тем ключевым звеном – передатчиком идей эпохи и общества в архитектуру, внося элементы новой идентичности в городскую облик.

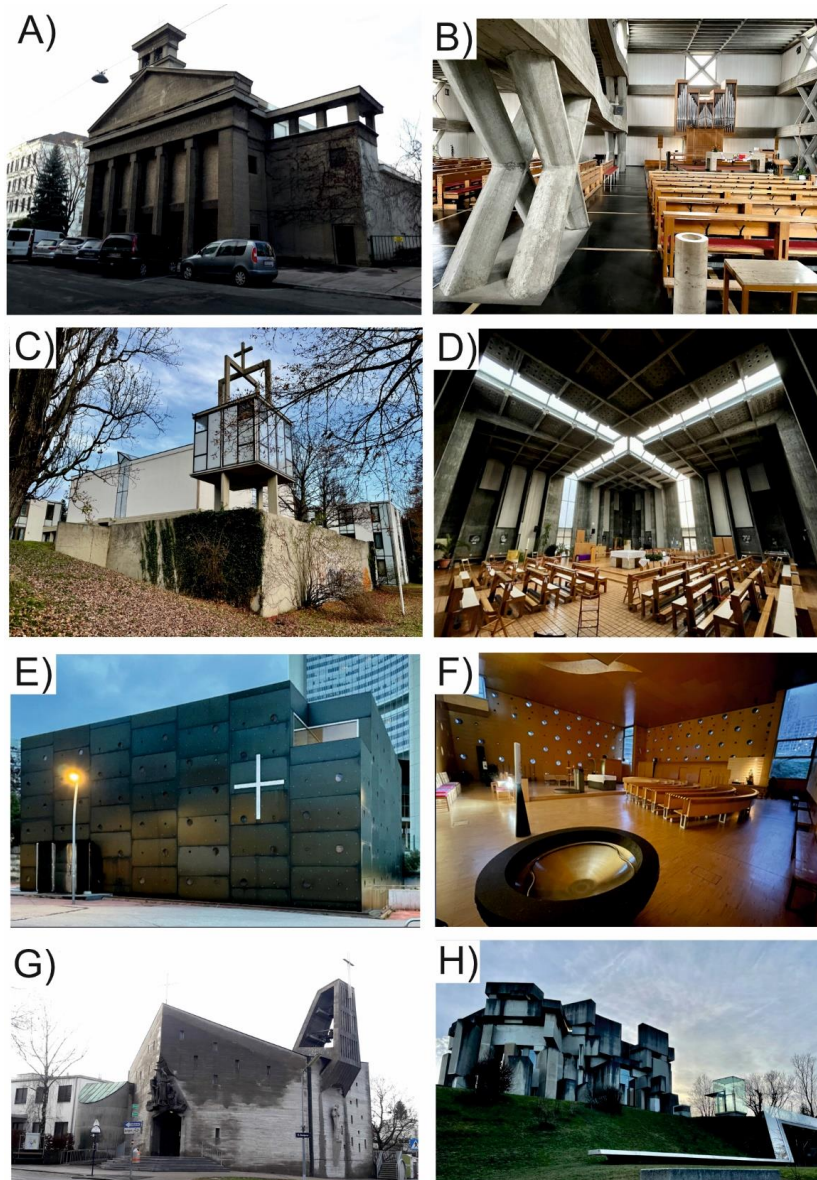
Новая политика, новое мировоззрение в современной России, поиск новых культурных и духовных идеалов и смыслов возвращает нас к строительству храмов. Но новые символы культуры рождаются в муках.

В нашу современную эпоху глобализации в архитектурном творчестве действуют «две противоположные силы»: одна сила стремится защитить и обнародовать аборигенные архитектурные традиции, формы, декоративные мотивы и технологии, провозглашает историческую преемственность, ратует за культурное разнообразие и сохранение географической идентичности. Другая сила продвигает изобретение и распространение новых форм и материалов с использованием новых технологий в ответ на изменение функциональных потребностей и понимания комфорта. Эти две «силы» условно называют «традиционализм» и «модернизм» соответственно [18]. Комбинации в

архитектуре, рожденные под влиянием этих двух сил и их интерпретации, образуют новую идентичность.

В России и, в частности, в Сибири начинают появляться новые религиозные здания (рис. 4 *d*). Как правило, как и все новое, они встречаются с неоднозначным восприятием

общественности. Например, в августе 2021 г. в Иркутске возведение нового Александро-Невского храма вызвало диссонанс и приостановило стройку. Жители не хотят видеть храм на месте небольшой рощи. Для них это привычное общественное пространство, и они не могут отождествлять его с новым храмом.

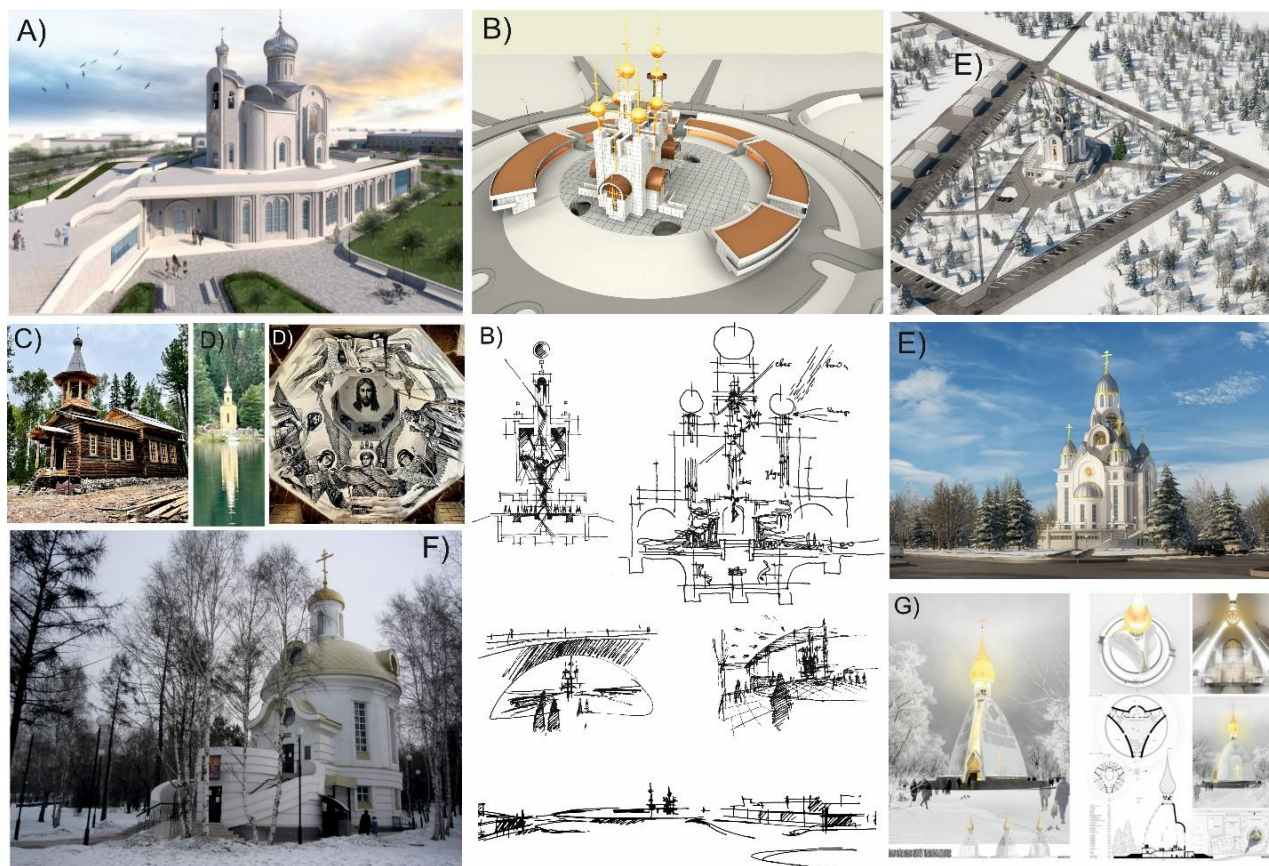
Рис. 3. Современные религиозные сооружения – католические церкви, Австрия: а – церковь Святого Духа, архитектор Йозе Плечник, 1911–1913 гг., Вена; б – приходская церковь св. Иосифа, архитектор Иоганн Георг Гстеу, «Рабочая группа 4», 1958–1970 гг., Штайр; с, d – церковь Обербаумгартен, архитектор Иоганн Георг Гстеу, 1963–1965 гг., Вена; е, f – городская церковь Донау «Христос, надежда мира», архитектор Хайнц Тезар, 2000 г., Вена; g – приходская церковь Доброго Пастыря, архитектор Чино Косак, 1963–1965, Вена; h – храм Вотрубы, или храм Святой Троицы, архитекторы Фриц Вотруба, Фриц Герхард Майр, 1974–1976, Вена

Fig. 3. a – Kirche zum Heiligen Geist, arch. Josef Plečnik, 1911–1913, Vienna; b – Pfarrkirche hl. Josef, arch. Johann Georg Gsteu, «Arbeitsgruppe 4», 1958–1970, Steyr; c, d – Kirche Oberbaumgarten, arch. Johann Georg Gsteu, 1963–1965, Vienna; e, f – Donaucity-Kirche «Christus, Hoffnung der Welt», arch. Heinz Tesar, 2000, Vienna; g – Pfarrkirche Zum Guten Hirten, arch. Ceno Kosak, 1963–1965, Vienna; h – Wotrubakirche, Katholische Kirche «Zur Heiligsten Dreifaltigkeit», arch. Fritz Wotruba & Fritz Gerhard Mayr, 1974 – 1976, Vienna

Храм по проекту архитектора А. Красильникова в градостроительном плане задуман как выгодно доминирующее сооружение в окружающей 4-5-этажной застройке, обогащающее своим силуэтом городскую среду левого берега города. Рошу принято дополнить новыми деревьями. Вместо традиционных надворных построек – стилобат, в котором разместились служебно-бытовые, жилые и общественные помещения: просветительско-катехизаторский центр, видеозал, библиотека, читальный зал, музей, помещения для гуманитарной помощи, кельи, и центром композиции этого уровня

является храм для службы на 100–150 прихожан. Это новое общественное пространство, обогащенное инфраструктурой, культурными кодами, новыми визуальными образами. Роша как неотъемлемая часть этого пространства и местной идентичности вместе с архитектурой взаимодополняют друг друга, создавая ландшафтно-архитектурную сообразность [19].

Кроме традиций архитектуры и культурных особенностей, городскую идентичность создают географические условия: климат, ландшафт, растительность, которые влияют на архитектурные формы и вид.

Рис. 4. Православные храмы Сибири третьего тысячелетия. Проекты и реализация: а – дипломный проект, студент А. Красноярцева (ИРНИТУ, рук. Л. Н. Макогон); б – конкурсный проект Александровского храма, архитектор Н. Жуковский; с – новая церковь на озере Изумрудное возле с. Выдрино; д – часовня Святого пророка царя Соломона на озере Изумрудное возле с. Выдрино и роспись ее купола; е – Александровский храм, архитекторы А. Красильников, О. Филиппова, Сибирский проектный институт; ф – церковь Веры, Надежды, Любви и Матери Их Софии, архитектор А. Красильников; г – конкурсный проект церкви, Гильдия храмоздателей¹

Fig. 4. Orthodox churches of Siberia of the third millennium. Projects and implementation: а – graduation project, student A. Krasnoyartseva (INRTU, leader L. N. Makogon); б – competitive design of the Alexander Nevsky Church, architect N. Zhukovsky; с - a new church on Lake Izumrudnoe near the village. Vydrino; д - the chapel of the Holy Prophet King Solomon on the Emerald Lake near the village. Vydrino and painting of its dome; е - Alexander Nevsky Church, architects A. Krasilnikov, O. Fillipova, Siberian Design Institute; ф – Church of Faith, Hope, Love and Their Mother Sophia, architect A. Krasilnikov; г – competition project of the church, Guild of Temple Builders¹

¹Гильдия храмоздателей [Электронный ресурс]. URL: www.gildehram.ru (11.06.2022).

Географией обусловлен также и этнический состав, который несет с собой историю, сказания, искусства, традиции и ремесла, в свою очередь оставляющие свои символы, знаки, формы, орнаменты и цвет в архитектуре; местные природные материалы используют в строительстве, характер осадков влияет на форму крыш. Белоснежные сибирские пейзажи – еще одно важное дополнение к городской идентичности.

Вопреки ожиданиям сибиряков, скупающих по короткому лету, по результатам анализа туристической активности, туристско-экскурсионный поток в Иркутскую область растет с каждым годом, жителей теплых регионов привлекает Сибирь, ее холодные снежные зимы вносят колоссальное разнообразие в жизнь с однотипной погодой в осенне-зимне-весенний период в родных краях.

В холодные дни храмы могут согревать замерзших туристов и духовно, и физически. В свою очередь, архитектурная среда, адаптированная к условиям суровой зимы, имеет свой аутентичный характер и уникальные особенности конструкций и формообразования, материалов и архитектурных деталей, а в связи с этим и узнаваемость, неповторимость, что, в конечном итоге, складывается в индивидуальность городского образа. Осознавая это и оценивая по достоинству, горожане-сибиряки лучше отождествляют себя с местом своего проживания, неосознанно расценивая его как «свой дом», ощущая идентичность с ним, это необходимо для устойчивого развития города, для обеспечения психического здоровья горожан, для усиления чувства патриотизма, сплоченности и солидарности [20] и, как следствие, роста, а не убыли, населения сибирских городов.

Результаты и их обсуждение

Двойственная природа явления городской идентичности выявляет как отличие города от других, так и равенство с самим собой и своими локальными закономерностями. Архитектура уникальных культурных религиозных сооружений, являясь мощными символами местной культурной и архитектурной идентичности,

должна подчеркивать «русскость», «сибирскость», «иркутскость», и в исторических памятниках Иркутска мы это наблюдаем. Но, кроме того, идентичность всегда рассматривается в контексте целостности и связи отдельных элементов, как исторических, так и современных; в непрерывном развитии в соответствии с влиянием времени, характеризуемом сохранением первоначальных компонентов архитектурного контекста, но обязательным привнесением новых, современных.

Заключение

Идентичность места всегда вызвана ассоциациями с характеристиками текущего времени и места; с последними научными и техническими достижениями; с последними модными, культурными и интеллектуальными событиями настоящего времени (любые события привязаны как к месту, так и ко времени).

Наряду с общечеловеческими, фундаментальными христианскими православными принципами храмовая архитектура должна олицетворять тождественность с современным развитием общества, с его развивающимися гуманистическими тенденциями, что неизбежно отразится во внешнем облике храмовых комплексов.

Консервативная традиционная архитектура современных православных церквей в исторических стилях может несколько усложнять возникновение чувства идентичности и сопричастности к современной эпохе, особенно у молодых горожан.

Сакральные здания, выступая в современном обществе не только как сооружения для традиционных религиозных церемониалов, но и как место помощи, поддержки и объединения горожан по различным культурным интересам, обогащаются и в пространственно-функциональном смысле, способствуют развитию патриотизма со стороны местных жителей и привлечению туристов в сибирские города, а в зимние холодные периоды могут рассматриваться в качестве комфортного крытого общественного пространства для посещения с культурно-просветительской и познавательной целью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глебова Н. М., Кламер М. Современный храм в структуре города как символ культурной идентичности и общественное пространство // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2022. Т. 12. № 2 (41). С. 256–275. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2022-2-256-275>.
2. Куцевич В. В. Храм в структуре города. Традиции и современность // Архитектура и

- современные информационные технологии. 2015. № 4 (33). С. 8.
3. Кламер М., Глебова Н. М., Дружинина И. Е. Идентификационные коды архитектурной среды городских пространств // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. Т. 7. № 3 (22). С. 132–144.
4. Глебова Н. М. Критерии отбора уникальных объектов архитектурной среды городских

пространств Иркутска с идентифицируемыми свойствами // Сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции "International scientific news 2017" (Москва, 22 декабря 2017 года). М., 2017. С. 802–806.

5. Глебова Н. М. Формирование архитектурной идентичности городской среды Иркутска: монография. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2020. 86 с.

6. Adam R. Identity and Identification: The Role of Architectural Identity in a Globalised World // The Role of Place Identity in the Perception, Understanding, and Design of Built Environments. Bentham Science Publishers, 2012. p. 176-193. <https://doi.org/10.2174/978160805413811201010176>.

7. Макотина С. Новые культовые сооружения в столице Бурятии Улан-Удэ // Проект Байкал. 2014. № 11 (41). С. 50–54. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.41.732>.

8. Юрьева А. В. Храмовая архитектура: традиция и новация // Архонт. 2020. № 5 (20). С. 106–110.

9. Глебова Н., Кламер М. Красная Вена. 1919–1934 // Проект Байкал. 2021. № 18 (68). С. 26–35. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1797>.

10. Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. Иркутск: Агентство «МайР», 2013. 452 с.

11. Bäuml A. K., Zeese A. Wiener Kirchenbau nach 1945. Institut für Kunstgeschichte. Wien: Denkmalpflege und industriearchäologie Technische Universität, 2007. 139 S.

12. Achleitner F. Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert. Band III/1. Wien 1.-12. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag, 2010. 331 S.

13. Achleitner F. Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert. Band III/2. Wien 13.-18. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag, 1995. 256 S.

14. Achleitner F. Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert. Band III/3. Wien 19.-23. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag, 2010. 500 S.

15. Vorderwinkler F. R. Sakrale Kunst in Österreich. Kirchen der Stadt Wien. Band 1. Steyr: Kulturbuchverlag, 2008. 240 S.

16. Глебова Н. М., Кламер М. Эволюция и модернизм религиозной архитектуры Вены // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2021. Т. 11. № 2 (37). С. 314–329. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2021-2-314-329>.

17. Барашков В. В. Образно-эстетические традиции и инновации в современной западноевропейской христианской церковной архитектуре // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2018. Т. 23. С. 137–145. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.137>.

18. Katona V., Vukosavljević Z. Place and Identity. Critical Regionalism in the New Millennium, National and International Achievements // Építés – Építészettudomány. 2012. Vol. 40 (1-2). p. 141-197. <https://doi.org/10.1556/EpTud.40.2012.1-2.8>.

19. Глебова Н. М., Большаков А. Г. Принципы сохранения и формирования архитектурной идентичности в уличной застройке исторической части г. Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2019. Т. 9. № 3. С. 606–619. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2019-3-606-619>.

20. Portisch H. Russland und wir: Eine Beziehung mit Geschichte und Zukunft. 1st edition. Ecowin, 2020. 144 S.

REFERENCES

1. Glebova NM, Klammer M. Modern temple in urban structure as a symbol of cultural identity and public space. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate.* 2022;12(2):256-275. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2022-2-256-275>.

2. Kutsevich VV. Temple in the structure of the city. Tradition and modernity. *Arkitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii = Architecture and modern information technologies.* 2015;4(33):8. (In Russ.).

3. Klammer M, Glebova NM, Druzhinina IE. Identification codes of architectural area of city spaces. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities.*

Investment. Construction. Real estate. 2017;7(3):132-144. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2017-3-132-144>.

4. Glebova NM. Criteria for the selection of unique objects of the architectural environment of the urban spaces of Irkutsk with identifiable properties. Collection of articles of the XXVIII International Scientific and Practical Conference „International scientific news 2017“ (Moscow, 22nd December 2017). Moscow, 2017. p. 802-806. (In Russ.).

5. Glebova NM. Formation of the architectural identity of the urban environment of Irkutsk: monograph. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University; 2020. 86 p. (In Russ.).

6. Adam R. Identity and Identification: The Role of Architectural Identity in a Globalised World. In: Casakin H., Bernardo F. *The Role of Place Identity in*

the Perception, Understanding, and Design of Built Environments. Bentham Science Publishers, 2012. p. 176-193. <https://doi.org/10.2174/978160805413811201010176>.

7. Makotina S. New Religious Structures in the Capital of Buryatia, Ulan-Ude. *Project Baikal*. 2014;11(41):50-54. (In Russ.). <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.41.732>.

8. Yurieva AV. Temple architecture: tradition and innovation. *Arkhot*. 2020;5(20):106-110. (In Russ.).

9. Glebova NM, Klammer M. Red Vienna. 1919–1934. *Proekt Baikal*. 2021;18(68):26-35. (In Russ.). <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1797>.

10. Kalinina IV, Krasnaya NN. City and tree. Architecture and craft. Irkutsk: MAIR Agency; 2013. 452 p. (In Russ.).

11. Bäuml AK, Zeese A. Wiener Kirchenbau nach 1945. Institut für Kunstgeschichte. Wien: Denkmalpflege und industriearchologie Technische Universität; 2007. 139 S.

12. Achleitner F. Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert. Band III/1. Wien 1.-12. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag; 2010. 331 S.

13. Achleitner F. Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert. Band III/2. Wien 13.-18. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag; 1995. 256 S.

14. Achleitner F. Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert. Band III/3. Wien 19.-23. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag; 2010. 500 S.

15. Vorderwinkler FR. Sakrale Kunst in Österreich. Kirchen der Stadt Wien. Band 1. Steyr: Kulturbuchverlag; 2008. 240 S.

16. Glebova NM, Klammer M. Evolution and modernism of church architecture in Vienna. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2021;11(2):314-329. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2021-2-314-329>.

17. Barashkov VV. Aesthetical traditions and innovations in the modern christian church architecture in Western Europe. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya „Politologiya. Religiovedenie“*. 2018;23:137-145. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.137>.

18. Katona V, Vukosavljev Z. Place and Identity. Critical Regionalism in the New Millenium, National and International Achievements. *Építés – Építészettudomány*. 2012;40(1-2):141-197. <https://doi.org/10.1556/EpTud.40.2012.1-2.8>.

19. Glebova NM, Bolshakov AG. Principles of the preservation and formation of the architectural identity in street construction in the historical part of Irkutsk. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2019;9(3):606-619. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2019-3-606-619>.

20. Portisch H. Russland und wir: Eine Beziehung mit Geschichte und Zukunft. 1st edition. Ecowin, 2020. 144 S.

Информация об авторах

Н. М. Глебова,
доцент, доцент кафедры архитектурного проектирования,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
Россия,
e-mail: nita12@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8762-9711>

М. Кламер,
доктор технических наук, профессор,
профессор Института систем транспортного планирования,
Технический университет Вены,
1040, г. Вена, ул. Карлсгассе, 11, Австрия,
e-mail: michael.klammer@tuwien.ac.at

Information about the authors

Natalia M. Glebova,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Architectural Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia,
e-mail: nita12@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8762-9711>

Michael Klammer,
Dr. Sci. (Eng.), Professor of the Institute for
Transport System Planning,
Technical University of Vienna,
11 Karlsgasse St., Vienna, 1040, Austria,
e-mail: michael.klammer@tuwien.ac.at

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022.
Одобрена после рецензирования 12.07.2022.
Принята к публикации 14.07.2022.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests regarding the publication of this article.

The final manuscript has been read and approved by all the co-authors.

The article was submitted 17.06.2022.
Approved after reviewing 12.07.2022.
Accepted for publication 14.07.2022.